Ющенко Дмитрий Юрьевич

КАРАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В СФЕРЕ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ В 70-80-Е ГГ. XX В.

В статье представлен генезис пенитенциарной политики советского государства с акцентированием внимания на усилении ее карательной составляющей к 70-80-м гг. XX в. через сравнительно-исторический анализ нормативно-правовой базы, регулирующей пенитенциарные правоотношения. Основное внимание уделено Исправительно-трудовому кодексу РСФСР 1970 г. в сравнении с кодексами 1924 и 1933 гг., нормативными актами дореволюционного времени.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/9-2/53.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 9 (23): в 2-х ч. Ч. II. С. 213-216. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/9-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

10. Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. 560 с.
11. Тихонов В. В. Методы историографии: современное состояние и перспективы [Электронный ресурс]. URL: http://www.cliohvit.ru/view_post.php?id=41 (дата обращения: 28.06.2012).
12. Трубникова Н. В. Историческое движение «Анналов»: традиции и новации. Томск: Томский государственный университет, 2007. 352 с.
13. Трубникова Н. В. Транзитные перекрестки французской науки: дрейф понятий от социологии к истории // Вестник Томского государственного университета. Серия «История. Краеведение. Этнология. Археология». 2007. № 294. С. 170-174.
14. Хапаева Д. Герцоги республики в эпоху переводов. Гуманитарные науки и революция понятий. М.: Новое литературное обозрение, 2005. 264 с.
15. Эмар М. Образование и научная работа в профессии историка: современные подходы // Исторические записки. Теоретические и методологические проблемы исторических исследований. М., 1995. Вып. 1 (119). С. 9-14.
16. Baeque de A. Où est passé le «tournant critique»? // Le Débat. «Commemoration 98». 1999. № 104. P. 162-170.
17. Braudel F. Histoire et sciences sociales: la lonque duree // Annales E. S. C. 1958. № XIII. P. 725-753.
18. Chartier R. Au bord de la falaise. L'histoire entre cértitude et inquiétude. Paris: A. Michael, 1998. 293 p.
19. Popkin J. Historians on the Autobiographical Frontier // American Historical Review. 1999. № 104 (3). P. 178-183.

COMPARATIVE ANALYSIS AS INTERDISCIPLINARY METHOD OF RESEARCH IN MODERN WESTERN HISTORIOGRAPHY

Marina Aleksandrovna Shtan'ko, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Department of History and Region Studies
National Research Tomsk Polytechnic University
nikam13@rambler.ru

The author discusses the topical problem of research paradigms shift in modern Western historiography, sets the task to characterize the features of Western historiography methods at the present stage and to explain the reasons of their transition to the space of interdisciplinarity, pays special attention to the reasons, why the traditional methods of historiographical research appear to be ineffective at the present stage of scientific knowledge, emphasizes the meaning and essence of interdisciplinarity dominant in modern Western historiography, proves that the use of comparative analysis in modern Western historiography is directly connected with the tendency of interdisciplinarity, and singles out the principal features of this analysis as the method of interdisciplinary research.

Key words and phrases: comparative analysis; methodology; historiography; historiographical research; interdisciplinarity; methods of historiography.

УДК 343.01
Юридические науки

В статье представлен генезис пенитенциарной политики советского государства с акцентированием внимания на усилении ее карательной составляющей к 70-80-м гг. XX в. через сравнительно-исторический анализ нормативно-правовой базы, регулирующей пенитенциарные правоотношения. Основное внимание уделено Исправительно-трудовому кодексу РСФСР 1970 г. в сравнении с кодексами 1924 и 1933 гг., нормативными актами дореволюционного времени.

Ключевые слова и фразы: советская пенитенциарная (исправительно-трудовая) политика; кодификация исправительно-трудового законодательства; Исправительно-трудовой кодекс РСФСР 1970 г.; исправительно-трудовые правоотношения; режим содержания осужденных; материально-бытовые и медико-санитарные условия содержания осужденных (арестантов, заключенных).

Дмитрий Юрьевич Ющенко
Кафедра государственно-правовых дисциплин
Псковский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний России
yushchenko_dy@mail.ru

КАРАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В СФЕРЕ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ В 70-80-Е ГГ. XX В.©

В период конца 60-х – начала 70-х гг. XX в. в пенитенциарной политике государства наметилась нормотворческая активность, что явилось объективным следствием развития исправительно-трудовых правоотношений – необходимостью принятия нового Исправительно-трудового кодекса. Нормы Исправительно-трудового кодекса РСФСР 1933 г. существенно устарели и не соответствовали реалиям времени. Кроме того, он долгое время регулировал не всю сферу исправительно-трудовых правоотношений, а лишь ту ее

© Ющенко Д. Ю., 2012

часть, которая касалась исправительно-трудовых колоний, не беря во внимание уже ушедшую в прошлое, но местами все же существующую систему исправительно-трудовых лагерей.

О необходимости кодификации исправительно-трудового законодательства свидетельствуют проводимые еще на рубеже 1950-1960-х гг. научно-теоретические конференции по проблемам пенитенциарной политики, результатом которых были многочисленные научные статьи и доклады [10, с. 523].

Следствием всего этого стало принятие в 1969 г. Основ исправительно-трудового законодательства СССР и союзных республик [4] и, следом за ними, Исправительно-трудового кодекса РСФСР 1970 г. [3] (далее – ИТК 1970 г.). Новый закон явился значимой вехой в развитии пенитенциарного законодательства и вобрал в себя весь опыт предшествующей эпохи, включая и научный потенциал ученых-пенитенциаристов. Он был более совершенен, чем предыдущие кодексы 1924 и 1933 гг., объединяя в себе общую и особенную части, в которых регулировались порядок и условия исполнения наказания, гарантии законности деятельности исправительно-трудовых учреждений (далее – ИТУ). В ИТК 1970 г. уже отсутствует классовая составляющая, но в то же время прослеживается идейная направленность на строительство коммунизма.

ИТК 1970 г. в сравнении с его предшественниками (исправительно-трудовыми кодексами 1924 и 1933 гг.) был более структурно-логически совершенным, свободным от тотальной идеологизации. Этот факт отмечается и в литературе, где указывается, что ИТК 1970 г. в сравнении с более ранними редакциями кодексов, а по многим положениям, включая и Уголовно-исполнительный кодекс РФ 1997 г., является наиболее реалистичным в правоприменительной практике, а именно: сложившаяся система ИТУ, усиление государственного (прокурорский и ведомственный надзоры) и общественного контроля над соблюдением исполнения законодательства в пенитенциарных учреждениях, обеспечение гарантий прав и свобод осужденных, а также открытости ИТУ для общества. Кроме того, ИТК 1970 г. выражал реально существующие общественные отношения и, несмотря на все еще большое количество существующих подведомственных нормативно-правовых актов, являлся наивысшим по юридической силе среди всего многообразия исправительно-трудового законодательства [10, с. 533]. Данное обстоятельство имело место в связи с тем, что ИТК 1970 г. закрепил в себе фактически сложившиеся к концу 1960-х гг. общественные отношения в сфере исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы. Следует отметить, что этому способствовало то обстоятельство, что при принятии ИТК 1970 г., в связи со смягчением политики «закрытости» пенитенциарных учреждений, активно использовался наработанный к тому времени научный потенциал ученых-пенитенциаристов [9, с. 27].

Вместе с тем, как отмечается в литературе, ИТК 1970 г., с одной стороны, имел существенное продвижение вперед, касаемо правового статуса осужденного, в том числе заметного улучшения материально-бытовых условий, с другой стороны, он, во-первых, в сопоставлении с международными правовыми актами, например, такими как Минимальные стандартные правила обращения с заключенными, значительно им уступает и, во-вторых, о чем будет сказано ниже, несмотря на свою прогрессивность в соответствии с более ранним исправительно-трудовым законодательством, является наиболее суровым среди всех пенитенциарных нормативно-правовых актов [2, с. 47].

Так, например, исправительно-трудовые колонии были разделены на локальные участки, что ограничивало возможность передвижения осужденных, которые вынуждены были находиться либо в бараках, либо на небольшой по размерам прилегающей, огороженной колючей проволокой территории. За пределами этой территории передвижение осуществлялось строем. Одежда была у них единого образца, как-то: телогрейки (*в просторечии «фуфайки» – Д. Ю.*), так называемые «кирзачи» (*сапоги военного образца – Д. Ю.*), «спецовка» (*повседневная форма одежды осужденных черного цвета – Д. Ю.*). Стрижка осуществлялась «наголо». Кроме того, при длительном свидании осужденным не разрешалось надевать собственную одежду, а по окончании свидания брать что-либо или передавать своим родным. Заработную плату осужденные получали в размере 50% от заработанного, причем отработанное время не зачислялось в трудовой стаж, не осуществлялась и выплата трудовой пенсии во время отбывания наказания. Имелся запрет на разведение декоративных рыбок и цветов, не разрешалось занавешивать окна и кровати, наклеивать где-либо какие-либо репродукции. Телевизионные программы цензурировались администрацией с просмотром не более двух часов в день. Кроме того, осужденные не имели права на прослушивание транзисторных приемников и магнитофонов, не могли иметь наручные часы. Указанные ограничения, как справедливо заключает И. В. Упоров, были одними из самых жестких в истории законодательного регулирования отечественной пенитенциарии [10, с. 539-540].

Кроме того, следует отметить, что в исследуемый период фактически приоритетной задачей пенитенциарной политики государства было, прежде всего, извлечение экономической выгоды от деятельности ИТУ, а все остальные задачи, в том числе материально-бытовое и медико-санитарное обеспечение осужденных, отодвигались на второй план [1, с. 31].

Нам представляется, кроме того, что в некоторой мере ухудшением положения содержания осужденных явилось увеличение лимита наполнения ИТУ. Так, согласно параграфу третьему Правил внутреннего распорядка исправительно-трудовых учреждений к началу 1970-х гг. лимит наполнения осужденных составлял: в колониях общего режима – 1 600 человек, усиленного режима – 1 400, строгого режима – 1 200, особого режима – 600, колонии-поселении – 700, колонии-поселении для лиц, совершивших преступление по неосторожности, – 2 000 человек [6, с. 4-5]. В 1986 г. – 2 000, 1 800, 1 600, 1 000, 1 000, 1 500, 750 и 2 000 соответственно [7, с. 5-6]. Естественно, поднятие лимита наполнения ИТУ не лучшим образом сказалось на условиях содержания осужденных.

Определенное влияние на материально-бытовое и медицинское обеспечение осужденных в исследуемый период оказывало то обстоятельство, что администрация исправительно-трудовых колоний в целях выполнения плана производственной деятельности зачастую нарушала нормы исправительно-трудового законодательства в ущерб основной группе лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, осуществляя поблажки и льготы отдельной группе осужденных [5, с. 78].

Ужесточение законодательства в исследуемый период в пенитенциарной сфере можно наблюдать, если провести сравнительно-исторический анализ режимных требований, предъявляемых к осужденным согласно ИТК 1970 г. и к арестантам, которые находились под правовым влиянием законодательства имперского периода, на примере обеспечения заключенных одеждой. Так, на основании Циркуляра № 8815 от 6 июня 1900 г., которым регламентировались требования, предъявляемые к сукну, из коего шьется арестантская одежда, мы можем видеть, что нормы, предусматривающие качество и вид одежды, не идут ни в какое сравнение с исследуемым периодом. Так, например, материал для одежды заключенных должен был быть изготовлен из доброкачественной овечьей шерсти натурального цвета и соответствовать предписанным нормативам при испытании; иметь ширину, высоту, вес и другие параметры не менее, чем предусмотрены указанным нами Циркуляром. Во второй же половине XX в., включая настоящее время, осужденные носят в основном телогрейку, так называемую фуфайку [8, с. 302-303].

Стоит обратить внимание на требования, которые предъявлялись к строительству тюремных замков в конце XIX в., не идущие ни в какое сравнение даже с ныне существующими ИТУ, не то чтобы с исправительно-трудовыми колониями в исследуемый период. Так, как отмечает И. В. Упоров, ссылаясь на Инструкцию об устройстве помещений для лиц, подвергаемых аресту по приговорам мировых судей, помещения для арестантов необходимо строить на сухой почве окнами на солнечную сторону с отсутствием поблизости стоячих вод или болотистых мест, как равно и каких-либо других заведений или мест, источающих зловредные испарения. Полы, рамы и печи всегда должны находиться в исправности; кухни должны быть загерметизированы так, чтобы оттуда не исходила копоть; туалеты не должны быть слишком далеко отдалены от арестных помещений, но в то же время чтобы не испускали зловония. Коридоры должны были быть простыми по конструкции, дабы мог свободно проходить свежий воздух. Особо следует отметить то обстоятельство, сколько каждому арестанту отводится жилой площади, включая места для койки (причем наличие нар запрещалось) и необходимых вещей, – не менее 65 кв. футов (17,5 кв. м), в то время как по ИТК 1970 г. эта норма составляла всего лишь два кв. м. Кроме того, рекомендовалось не помещать в одну комнату более десяти человек, где на двух осужденных должно было иметься не менее одного окна. В помещении, где содержались арестанты, не должны были находиться помои, грязное белье и так называемая «параша» (*место или сосуд для испражнений – Д. Ю.*). Нереальным выглядит и то обстоятельство, что для арестантов, от которых исходит неприятных запах изо рта или от ног, предусматривалось наличие отдельной комнаты в целях соблюдения санитарных норм [10, с. 254-255].

Ко всему прочему Инструкцией предписывалось нормативное содержание воздуха на каждого арестанта (около 190 куб. м), норма высоты потолка (не менее 2,7 м). Здесь еще добавим заботу государства о своего рода профилактике заболеваний, когда при температуре ниже 14 °С заключенные не выводились на внешние работы. Естественно, ни в настоящее время, ни тем более в исследуемый период такая норма не является ограничением для вывода осужденных на внешние работы [Там же, с. 255, 257].

В результате проведенного нами сравнительно-исторического анализа отечественной нормативно-правовой базы, регулирующей пенитенциарные правоотношения, мы можем констатировать, таким образом, что пенитенциарная политика советского государства относительно режимных требований, предъявляемых к осужденным, в том числе и условий материально-бытового и медико-санитарного обеспечения, установившихся к 70-80-м гг. XX в., имеет тенденцию к своего рода «закручиванию гаек». Как нам представляется, это выражается в суровости требований, вытекающих из пенитенциарных правоотношений последних лет Советской власти, и подтверждается карательной составляющей исправительно-трудового законодательства, в том числе ИТК 1970 г.

Список литературы

1. **Анисимов В. М.** Централизованные и децентрализованные модели управления органами, исполняющими наказание в виде лишения свободы, и возможности их реализации в свете Конституции Российской Федерации // Совершенствование законодательства и практики учреждений, исполняющих наказания, на основе Конституции Российской Федерации. М., 1995. С. 31-35.
2. **Кузьмин С. И.** Организованные преступные группировки в местах лишения свободы // Преступление и наказание. 1995. № 4. С. 42-48.
3. **Об утверждении Исправительно-трудового кодекса РСФСР**: Закон РСФСР от 18 декабря 1970 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1970. № 51. Ст. 1220.
4. **Основы исправительно-трудового законодательства Союза ССР и союзных республик**: утверждены Законом СССР от 11.07.1969 № 4074-VII // Ведомости Верховного Совета СССР. 1969. № 29. Ст. 247.
5. **Перегудов А. Г.** Качественное состояние общности осужденных – основной концептуальный вопрос перестройки деятельности органов, исполняющих наказание в виде лишения свободы // Проблемы перестройки деятельности органов, исполняющих наказание в виде лишения свободы. Уфа, 1991. С. 77-79.
6. **Правила внутреннего распорядка исправительно-трудовых учреждений.** М., 1972.
7. **Правила внутреннего распорядка исправительно-трудовых учреждений.** М., 1986.
8. **Сборник узаконений и распоряжений по тюремной части** / сост. Т. М. Лопато. Пермь, 1903. 489 с.
9. **Советское исправительно-трудовое право** / под ред. Н. А. Стручкова. М., 1977. 308 с.
10. **Упоров И. В.** Пенитенциарная политика России в XVIII-XX вв.: историко-правовой анализ тенденций развития. СПб.: Юридический центр «Пресс», 2004. 610 с.

PUNITIVE POLICY OF SOVIET STATE IN PENITENTIARY LEGAL RELATIONSHIPS SPHERE IN THE 70S - 80S OF THE XXTH CENTURY

Dmitrii Yur'evich Yushchenko
Department of State-Legal Disciplines
Pskov Juridical Institute of Federal Penitentiary Service of Russia
yushchenko_dy@mail.ru

The author presents the genesis of the soviet state penitentiary policy emphasizing its punitive component strengthening by the 70s – 80s of the XXth century by means of the comparative-historical analysis of the normative-legal base regulating penitentiary legal relationships, and pays special attention to the Reformatory Code of the RSFSR of 1970 in comparison with the Codes of 1924 and 1933 and the normative acts of pre-revolutionary time.

Key words and phrases: soviet penitentiary (reformatory) policy; reformatory legislation codification; Reformatory Code of the RSFSR of 1970; reformatory legal relationships; convicted persons treatment; pecuniary-domestic and medical-sanitary conditions of convicted persons (prisoners) treatment.

УДК 130.3
Культурология

В статье объектом исследования выступает технология мифотворчества современности, главными составляющими которой можно назвать использование «вечных сюжетов», создание определенных обрядов, идолопоклонство, подключение визуального компонента, акцентирование эмоциональной стороны языка, предсказания будущего. Знание технологии мифотворчества позволяет разделять реальное и выдуманное.

Ключевые слова и фразы: технология; мифотехнологии; мифологема; обрядовость; идолопоклонство; имидж; визуализация.

Елена Людвиговна Яковлева, кандидат культурологии, доцент
Кафедра философии
Институт экономики, управления и права, г. Казань
mifoigra@mail.ru

ТЕХНОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОГО МИФОТВОРЧЕСТВА©

В современности весь культурный континуум во главе с человеком технологизируется. Человек периодически подвергается «разборке» и «сборке», моделированию, у культурных феноменов появляются хорошо разработанные технологии создания и распространения. Не является исключением в этом ряду и миф. Уже в XX он начинает активно «захватывать» культурное пространство, а для его успешного внедрения в сознание огромного количества людей создаются специальные технологии, которые не потеряли своей актуальности до сегодняшнего дня. В связи с этим целью статьи является рассмотрение ключевых параметров технологии мифотворчества, проявляющих себя в современной культуре, знание которых поможет людям разграничивать вымысел и реальность.

Во все времена миф подчинял себе и заставлял целые общества жить по своим законам. При этом никакой рациональный аргумент не способен убедить и разуверить людей в созданных общественных или личностных мифологических построениях: «люди становятся жертвами мифов без серьезного сопротивления. Они побеждены и покорены еще до того, как оказываются способными осознать, что же на самом деле произошло» [4, с. 389]. В современном мире миф стал одной из всепроникающих культурных форм, обнаруживающий себя в политике, науке, религии, произведениях культуры и искусства, СМИ, виртуальной реальности, повседневной жизни человека.

Мифы современности и древности, несмотря на наличие общих сюжетов, отличаются друг от друга. Так, в современной культуре миф, с одной стороны, превращается в открытый бесконечный текст, можно сказать, гипертекст, вобравший в себя огромное количество мифологий всех времен и народов и их интерпретаций (например, произведения В. Пелевина, С. Соколова, В. Сорокина). С другой стороны, современный миф высказывается в виде набора фраз и формул-клише (вспомним миф о гламуре, метросексуалах, *It girl*). Мифы современности теряют свойства устойчивости и постоянства: они быстро создаются и исчезают, сменяя друг друга, превращаясь тем самым в сиюминутный текст. В древности миф творился стихийно, а в современности, благодаря специально разработанным технологиям, его создают не народы, а личности – мифотехнологи (*PR*-технологи, корреспонденты и репортеры СМИ, имиджмейкеры). Искусственно созданные мифы деформируют реальность, скрывают истинное положение вещей, отвлекая людей от действительности и акцентируя внимание на выгодных творцам и их заказчикам культурных (политических, экономических, религиозных, научных и других) смыслах. Появившиеся с помощью технологии мифы способны объединить огромное количество людей, воодушевить массу, но при этом и намеренно «подтолкнуть» ее к определенным действиям, что таит в себе опасность. В связи с этим актуальным становится знание технологии мифотворчества.

© Яковлева Е. Л., 2012